

УДК 355/359(57)“1914/1918”

П. А. Новиков

СИБИРСКИЕ АРМЕЙСКИЕ КОРПУСА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Дается обзор воинских соединений, отправленных на фронт Первой мировой войны из Сибири, с последующим рассмотрением начала их боевой работы. В заключение приводятся наиболее ёмкие свидетельства о сибирских стрелках и обобщаются данные о боевых потерях.

Ключевые слова: Первая мировая война, организация русской армии, сибирский армейский корпус.

Основной военной организации русской армии начала XX в. были армейские корпуса как высшее тактическое соединение. С 1910–1911 гг. в них входили все войска, расположенные в корпусных районах. Ранее инженерные части, мортирная и тяжелая артиллерии лишь придавались корпусам для совместных упражнений. Теперь же артиллерийские бригады были подчинены начальникам пехотных или стрелковых дивизий, а для комплектования личным составом каждый корпус получил ближайшие к гарнизонам районы. Однако выполнить последнее правило в Иркутском военном округе было почти невозможно, так как при потребности в нижних чинах запаса мобилизации в 150 тыс. человек в районе округа в 1913 г. была 41 тысяча. Недостающих Иркутскому военному округу планировалось направить из Омского (70 159 чел.) и Казанского (40 669) округов [см.: Ращупкин, 122]. Подпоручику П. Шапошникову так запомнились перевозки мобилизованных: «Из вагонов неслись песни, звуки гармони и крики подвыпивших “чалдонов”, будущих лихих сибирских стрелков, крепких, как таежные кедры, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках» [Шапошников, 6].

По штатам 1914–1915 гг. русский корпус насчитывал 886 офицеров, 120 врачей, 121 классного чиновника, 40 099 строевых и 6 960 нестроевых нижних чинов и включал две дивизии, их тылы и лазареты, а также корпусные части. Каждая дивизия имела управление и штаб (9 офицеров, врачи, классные чиновники – 125 нижних чинов), четыре пехотных или стрелковых полка (соответственно 88 – 4245), артиллерийскую бригаду (44 – 1399). В 1916–1917 гг. русский корпус стал трехдивизионным при численности 1 248 офицеров, 147 врачей, 195 чиновников, 52 015 строевых и 16 062 нестроевых солдат.

К 1914 г. в Приамурском военном округе (Дальний Восток) дислоцировались 1, 4, 5-й, в Иркутском (Восточная Сибирь) – 2-й и 3-й Сибирские армейские корпуса, в Омском (Западная Сибирь) – 11-я Сибирская стрелковая дивизия. В отличие от большинства русских армейских корпусов, их бойцы именовались не пехотинцами, а сибирскими стрелками. В военное время в Иркутском округе дополнительно должен был развернуться 6-й Сибирский корпус из 12-й и 13-й Сибирских второочередных дивизий, в Омске – 14-я Сибирская дивизия. Полки этих трех дивизий формировались на базе скрытых

кадров 7, 8 и 11-й Сибирских дивизий. Каждый полк 1-й очереди выделял второочередному 19 офицеров, 1 военного чиновника и 262 солдата. Среди сформированных в 1915–1916 гг. дивизий 3-й очереди сибирских не было.

Всего из Сибири на фронт Первой мировой войны отправились 6 Сибирских армейских корпусов, или 14 сибирских стрелковых дивизий. Также из региона убыли в действующую армию 1 (Сибирская) казачья дивизия и 5 (Уссурийская, 1, 2 и 3-я Забайкальские, Сибирская) конных бригад, из которых первые две позднее также были развернуты в дивизии. В эти 6 конных соединений вошли 9 Забайкальских, 8 Сибирских, 2 Амурских, 1 Уссурийский казачьих полков и Приморский драгунский полк. Чтобы иметь возможность двинуть на врага из-за Урала эту боевую силу, только на строительство казарм Российское государство потратило более 51 млн рублей [Смета..., 69].

Еще один корпус (7-й Сибирский) и 9 дивизий (с 15-й по 22-ю) Сибирских, а также Сводная Сибирская были сформированы уже в действующей армии: 7-й Сибирский армейский корпус образован летом 1915 г. из ранее действовавших отдельно 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. Формирование же дивизии 4-й очереди в конце 1916 – начале 1917 г. происходило следующим образом: четырехбатальонные полки дивизий 1-й и 2-й очереди переходили на 3-батальонный штат, а освобождавшиеся батальоны после пополнения маршевыми ротами сводились в полки 4-й очереди. При этом по две дивизии 4-й очереди сформированы при 3-м и 7-м Сибирских корпусах, по одной – при остальных: 1, 2, 4, 5, 6-м.

Когда и в какие пункты театра военных действий (ТВД) прибывали отоблизированные Сибирские корпуса? Мы вынужденно нарушим строгую хронологию и рассмотрим действия сибирских стрелков по соединениям.

До Первой мировой войны штаб 3-го Сибирского корпуса размещался в г. Иркутске, а его стрелковые полки – в Иркутске, Канске, Красноярске, Ачинске. Путь на ТВД через Челябинск, Самару, Пензу, Курск занял 23 дня. Возглавил корпус возвращенный из отставки генерал от инфантерии Е. А. Радкевич. Первые части 3-го Сибирского корпуса прибыли 23 августа 1914 г. в г. Ломжа, но позднее их, как и главные силы соединения, перенаправили в крепость Осовец и станцию Граево [см.: РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 336, л. 1]. А 29 августа 3-й Сибирский корпус уже получил приказ двинуться на немецкий город Лык.

С началом войны 11-я Сибирская стрелковая дивизия была включена в 1-й Туркестанский корпус. Дивизия начала боевую работу с того, что заставила немцев отказаться от штурма русской крепости Осовец. С 15 сентября Осовец обстреливала тяжелая осадная артиллерия, но 17 сентября сибирские стрелки создали угрозу обхода и заставили противника снять блокаду крепости.

К началу войны 2-й Сибирский корпус дислоцировался в с. Песчанка, г. Сретенске, с. Березовка (ныне Дивизионная), г. Троицкосавске (ныне Кяхта), штаб – в Чите. После поражения в Восточной Пруссии 2-й, а затем и 1-й армии русское командование приняло меры к ускорению прибытия на ТВД 2-го Сибирского корпуса. Пунктом его высадки сначала назначили станцию Малкин, а затем станцию Черемха, тем самым отнеся высадку на 90 км восточнее. К 17 сентября половина 2-го Сибирского корпуса высадилась на станции

Черемха (в 180 км восточнее Варшавы). 17 сентября был получен приказ погрузиться в эшелоны для отправки в Варшаву, куда перенаправлялись и еще не высадившиеся эшелоны [см.: Варшавско-Ивангородская операция, 88]. В Варшаву головные эшелоны прибыли 18 сентября, а 20 сентября авангарды корпуса выдвинулись к Гродиску. С 26 сентября 2-й Сибирский корпус генерала от инфантерии А. В. Сычевского вел ожесточенный бой на линии Скерневицы – Мщонов – Гройцы и под напором двух германских корпусов был вынужден отступить к Варшаве. Возникла угроза захвата немцами города.

Положение спасло прибытие 27 сентября – 1 октября 1-го Сибирского корпуса во главе с генералом от кавалерии М. М. Плешковым. Высадившись в Пясечна, его 1-я Сибирская дивизия прямо с эшелонов, без единого орудия бросилась в бой. А 1 октября русские встречным ударом окончательно отеснили немцев от Варшавы. 1-й Сибирский корпус прибыл на ТВД из Приморья, где его гарнизонами были с. Раздольное, г. Никольск-Уссурийск, Шкотово, урочища Ново-Киевское и Барабаш. Отметим, что для ускорения прибытия на ТВД 1-го и 2-го Сибирских корпусов предназначенные для их окончательной мобилизации запасные десяти уездов Вятской и Пермской губернии были поданы при перевозке соединений на запад. Заранее в уезды были высланы офицеры обоих корпусов. Кроме того, еще до войны в этих двух корпусах поддерживался усиленный состав. В большинстве же полевых частей после мобилизации в ротах было 25–30 % кадровых (действительной службы) солдат, остальные – из запаса.

Штаб 6-го Сибирского корпуса был сформирован по приказу верховного главнокомандующего № 36 от 2 сентября 1914 г. По окончании формирования в Иркутске штаб выступил на ТВД в г. Седлец. На 11 октября в 6-й Сибирский корпус входили 13-я (развернута в Красноярске) и 14-я (в Омске) Сибирские дивизии, позднее 13-я будет заменена на 3-ю Сибирскую (из Владивостока). До сентября 1917 г. корпусом командовал генерал от инфантерии Ф. Н. Васильев.

Отметим, что все второочередные Сибирские дивизии начали воевать, действуя вне предусмотренной корпусной организации. 13-я и 14-я Сибирские дивизии с конца сентября находились под Варшавой. 12-я Сибирская убыла из Иркутска 11 сентября, а 11 октября прибыла в 8-ю армию Юго-Западного фронта и двинулась к Бескидам – северной полосе Карпат.

Штаб и шесть управлений (инспекторы артиллерии, корпусные инженеры, интендант, казначей, врач, ветеринар) 5-го Сибирского корпуса во главе с генералом от инфантерии Л. Л. Сидориним в конце октября 1914 г. прибыли на левый берег Вислы. Здесь 26 октября в 5-й Сибирский корпус вошли 50-я и 79-я пехотные дивизии. Напротив, «коренные» дивизии корпуса – 3-я и 6-я Сибирские – сначала действовали отдельно. До войны они квартировали во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Хабаровске.

Последним из Сибирских корпусов на фронт в январе 1915 г. прибыл 4-й, ранее составлявший гарнизон крепости Владивосток. Пунктом его назначения, как и авангарда 3-го Сибирского корпуса 4 месяцами ранее, стал г. Ломжа. Для ускорения перевозки 4-го Сибирского корпуса по требованию Ставки приняли чрезвычайные меры: отправка раньше расписания, питание в эшелонах

от полевых кухонь, на однопутных участках неделю поезда шли только на запад. Командовал корпусом генерал-лейтенант С. С. Саввич, а его полки до войны стояли во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске и Николаевске.

Военный теоретик А. А. Свечин отмечал: «Если русскому командованию удавалось преодолеть кризисы, создававшиеся в Восточной Пруссии, в Галицийской битве и Ивангород-Варшавской операции (добавим, и в Закавказье), то этим оно в значительной степени обязано притоку новых свежих сил – 6 Сибирских, 2 Туркестанских, 2 Кавказских корпусов. Эти постепенно подходившие корпуса играли роль стратегического резерва, необходимость которого до войны отрицалась близорукими теоретиками и который получил решающую роль в мировую войну» [Свечин, 55]. Каждый из этих девяти русских корпусов получал окончательное назначение лишь по мере подхода к ТВД в соответствии с обстановкой. Роль такого подкрепления трудно переоценить, особенно учитывая, что тот же Свечин считал, что, будь у немцев в 1914 г. всего 3 дополнительных корпуса, они бы взяли Париж.

Таким образом, сибирские стрелки стали крупнейшим резервом первоочередных частей Российской империи, брошенным на чашу весов начального периода войны. Насколько стратегически грамотно, а главное, целеустремленно был задействован этот резерв, – это вопрос к русскому верховному командованию, и вопрос острый. Это не значит, что, задействуя ставку Сибирские корпуса на одном направлении, то успех был бы гарантирован. Ведь изучение начального периода Первой мировой войны дает множество поводов перефразировать известное слова песни «Первый бой – он трудный самый».

По оценке Ю. Н. Данилова, «многие войсковые части дали блестящие образцы доблести, стойкости в бою и неутомимости. Но наряду с такими частями обнаружились и другие, от которых можно было бы требовать проявления большей сопротивляемости и напряжения. Разница не только войск 1-й и 2-й очереди. В рамках одной категории боевой удельный вес различался. Причины пестроты различны: условия жизни, обучения и комплектования воинских частей новобранцами и запасными, индивидуальные качества начальства, традиции частей и округов, известная самостоятельность командующих войсками округов в руководстве обучением» [Данилов, 190]. Мы же, учитывая относительную (в сравнении с солдатами) однородность генеральского и офицерского состава императорской армии, отметим, что за военные неудачи не всегда ответственно только высшее командование. Целый ряд корпусов и дивизий не отличились победами в боевых дебютах, что, однако, не значит, что «высочайшей доблести русским войскам» не приходилось много раз кровью искупать недостатки собственного руководства.

Характерно, что практически все сибирские стрелковые части сразу подтвердили блестящую репутацию, заслуженную еще в Русско-японской войне, и не только сохранили ее до конца Второй Отечественной войны, но и многократно приумножили. Какие факторы способствовали этому?

Во-первых, высокое качество рядового состава. Ведь еще в войне с Японией русские офицеры не могли «не отметить вообще особенно высокого духа в войсках, составленных из сибиряков» [Соловьев, 44]. Современный исследователь

указывает, что Первая мировая война «еще раз показала, что боевые качества войск зависят не только от уровня их выучки, но и от особенностей групп населения, а также от армейских традиций части. Так, среди солдат русской пехоты явственно выделялись сибиряки» [Смирнов, 23].

Во-вторых, и до, и после Русско-японской войны молодые офицеры стремились попасть в Сибирь. «До», потому что «на Дальнем Востоке пахло порохом», «после», потому что «сибирские полки, прославившиеся в недавно законченной войне, были покрыты ореолом военной славы, и попасть в них было лестно».

В-третьих, часть Сибирских корпусов до войны содержалась по усиленным штатам и соответственно имела более молодой и однородный личный состав.

Наконец, в-четвертых, соединения из азиатской России включились в борьбу, когда высшее русское командование накопило определенный опыт и избавилось от части лиц, не соответствующих постам. Сначала Сибирские корпуса сражались на северо-западном направлении, затем на всем протяжении Восточного фронта от Балтики до Румынии.

Приведем несколько наиболее ярких достижений сибирских стрелков. Под Праснышем 11–12 февраля 1915 г. 1-й Сибирский корпус, захватив 10 тыс. пленных, установил рекорд для операций Антанты. За Первую мировую войну русским трофеем стало единственное германское знамя – 1-го батальона 34-го фузилерного королевы Виктории Шведской полка. Этот батальон был пленен 3-м Сибирским стрелковым полком под началом генерал-майора В. А. Доброжанского 13 февраля 1915 г. также под Праснышем (знамя, сорванное с древка, было брошено в колодец, где и было найдено). Фузилеры входили в 6-ю резервную бригаду, разбитую сибиряками.

Западнее Варшавы, у Воли Шидловской, 1 июня 1915 г. 14-я Сибирская дивизия первой из русских соединений подверглась газовой атаке немцев. Погибло 5 983 чел., из них 891 умер от отравления хлором [см.: Шишов, 174]. Несмотря на эти потери, было отбито 10 германских атак.

Многочисленны самые лестные отзывы о сибирских стрелках: «Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норовит бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает, и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко» [Туркул, 10]. В 1914 г. рядовой (позднее маршал) Р. Я. Малиновский о боях под Сувалками вспоминал: «Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила» [Малиновский, 100]. Другой очевидец рассказывал: «Когда российский какой полк стоит, германцы выставляют 2 часовых, а как только разведали, что подошел сибирский, то 20 часовых выставляют» [Серебренников, 206].

Немцы надолго запомнили сибирских стрелков. Э. Людендорф писал: «Сибирские корпуса были особенно сильны и доставили нам много хлопот» [Людендорф, 79]. Генерал Второй мировой войны Г. Блюментрит вспоминал: «Сибиряк... еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей

сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали это на себе во время Первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с Сибирским армейским корпусом» [Блюментрит, 1958, 72]. Причем в русском переводе, вероятно, неточность: не «корпус», а «корпуса». Тот же Блюментрит: «...после первого боя с французами и бельгийцами в Намюре в августе 1914 г. я два года сражался против русских. Мы быстро осознали, что встретили совершенно других солдат. Более суровых воинов с крепким боевым духом и решительностью. Мы терпели значительные неудачи... Когда я называю основную массу Русской армии добродушной, я говорю об их европейских войсках. Значительно тверже были азиатские войска, Сибирские корпуса в их жестоком поведении» [Блюментрит, 2007].

Доля уроженцев Сибири в рядах Сибирских стрелковых частей была наибольшей осенью 1914 г., сразу после мобилизации. Какой-либо системы в последующих пополнениях не отмечается. Призывники из сибирских губерний пополняли обычные пехотные части, а уроженцы Европейской России становись бойцами сибирских стрелковых полков. Не выявлено какого-либо соответствия ни между запасными бригадами и губерниями призыва личного состава, ни между запасными полками и частями действующей армии. Как следствие, если в 1914 г. сибирские части отмечаются как наиболее стойкие, то в конце 1916 г. именно в них происходят первые антивоенные выступления.

Например, в 17-м Сибирском полку среди 119 убитых с 3 по 24 ноября 1914 г. – до половины уроженцы Иркутской губернии, остальные – Енисейской губернии и Забайкальской области; в 18-м Сибирском полку среди 116 убитых с 27 сентября по 17 ноября 1914 г. – половина уроженцы Енисейской губернии, остальные Черниговской, Полтавской, Люблинской и др. [см.: РГВИА, ф. 16196, оп. 1, д. 766, л. 1; д. 768, л. 1]. В потерях 47-го Сибирского полка в октябре 1914 г. – январе 1915 г. преобладали уроженцы Томской губернии.

В феврале 1915 г. среди убитых солдат 45-го Сибирского полка – уроженцы уже практически всех губерний России, у 16-го Сибирского полка сибиряков не более 10 %. В потерях 32-го Сибирского на озере Нарочь 8–16 марта 1916 г. половину составляли уроженцы Тобольской и Томской губерний, среди оставшихся – уроженцы Вятской, Акмолинской и др. Там же, д. 803, л. 84; д. 765, л. 68; д. 783, л. 62]. В 48-м Сибирском полку среди убитых 3–9 июля 1916 г. уроженцев Оренбургской губернии – 5 чел., Уфимской – 4, Казанской – 1, Пермской, Тобольской – 1. В 17-м Сибирском полку среди 3 убитых и 7 раненых в январе 1917 г. – уже ни одного сибиряка...

По этому поводу Н. Н. Головин указывал: «Раненые, как правило, не возвращались в свои части... Дух части понижала взаимная “чуждость” начальников и подчиненных. Сухомлинов (военный министр, 1909–1915) и его сотрудники понимали идеи укомплектования очень узко, материалистично, лишь в смысле ускорения мобилизации» [Головин, 26]. Не учитывался духовный аспект территориальной системы комплектования. Пополнения высылались из разных запасных батальонов в различные фронтовые части.

По опыту 1914–1915 гг. на Сибирские корпуса возлагают самые ответственные задачи, но, пополненные новым личным составом, они начинают разочаровывать

командование. Так было 2 июля 1915 г. с 12-й и 13-й Сибирскими дивизиями, образовавшими 7-й Сибирский корпус. Боевая слава, заработанная ими на полях Галиции и в Карпатских горах, позволила командующему 5-й русской армии П. А. Плеве считать стрелков надежным прикрытием города Митава. Но слава дивизий принадлежала оставшимся на полях сражений, а в строю испытанных бойцов осталось не более 7–8 %» [Корольков, 30].

Именно с учетом прошлых успехов 1-му Сибирскому корпусу поставили задачу прорвать в марте 1916 г. германские позиции у озера Нарочь. Однако его бойцы, несмотря на массовый героизм и огромные потери (до 50 % убитыми и ранеными), не смогли добиться успеха.

В дальнейшем снижение боеспособности продолжилось. Особенно напряженная ситуация была на Северном фронте. В декабре 1916 г. его командующий генерал Н. В. Рузский считал Ригу и Двинск «двумя распропагандированными гнездами». Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилев сообщал, что 7-й Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно «распропагандированным», люди отказывались идти в атаку.

Последние примеры боевой славы сибирских стрелков – это удар на Митаву в конце 1916 г. и летнее наступление 1917 г. всех фронтов, проваленное из-за революционной пропаганды. Разложение русской армии в 1917 г. быстро закончилось с некогда крепкими боевыми традициями соединений. Последовало братание и фактическое перемирие с врагом. Конечно, братание имело разные масштабы и не было повсеместным: далеко не все немецкие и не все русские части братались. Например, на Западной Украине 14 декабря 1916 г. против позиций 7-го Сибирского корпуса немцы выбросили в окопах белый флаг и кричали: «Рус дай хлеба», «Дай супу». В ответ русские открыли пулеметный огонь [см.: РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 204, л. 8]. Под Ригой 7 мая 1917 г. сибирские стрелки были свидетелями, как сразу прекратилось братание, когда 4-я Особая дивизия сменила 1-ю Латышскую бригаду. А 22 июля 1917 г. артиллерия 2-го Сибирского корпуса обстреляла латышских стрелков, братавшихся с немцами.

В пункты довоенного квартирования Сибирские корпуса уже не вернулись. Вот примеры завершения их боевого пути: 2-й Сибирский корпус был расформирован в Ярославле в конце марта 1918 г. 3-й Сибирский корпус встретил немецкое наступление 18 февраля 1918 г. в составе 2-й армии Западного фронта, и ему, в отличие от Гренадерского и 9-го армейского корпусов, удалось избежать немецкого плена. Прибыв в Смоленск, штаб 3-го Сибирского корпуса расформировался, распустил личный состав, сдав вывезенные им дела и отчетность.

4-й Сибирский корпус встретил демобилизацию в 6-й, самой южной, армии Румынского фронта. После упорных боев с отрядами Центральной Рады и румынскими войсками из всей 6-й армии только части 4-го Сибирского и 47-го армейского корпусов прорвались к Одессе и Тирасполю. Здесь они соединились с 1-й революционной армией и участвовали в боях против румын.

6-й Сибирский корпус был демобилизован в марте 1918 г. в г. Камышлов Пермской губернии. 7-й Сибирский корпус встретил перемирие в 7-й армии Юго-Западного фронта. Демобилизация 7-й армии завершилась в апреле в городах Центрально-Черноземного района.

Кроме пехотных, гвардейских, гренадерских и вышеперечисленных Сибирских стрелковых дивизий, в 1914 г. в русской пехоте были бригады, позднее ставшие дивизиями, – Туркестанские, Финляндские, Кавказские стрелковые. По данным главного штаба стрелковые дивизии потеряли за войну по 2 263 человека убитыми каждая, тогда как пехотные – по 3 473, а гвардейские – по 3 500. Еще больше разница по пленным и пропавшим без вести: у стрелков по 8 436, у пехотинцев – по 22 433, у гвардейцев – по 4 707, но цифры раненых очень близки: соответственно 12 639, 13 539, 15 081. При одинаковой штатной численности соединений весьма показательно число потерь убитыми, ранеными и взятыми в плен. Считается, что чем больше процент первых, тем боеспособней и устойчивее войска. Таким образом, по боевой устойчивости стрелки превосходили армейскую пехоту, но уступали гвардии [Россия..., 36]. Последнюю же превосходили только казаки.

Приведем выявленные сведения о потерях. В РГВИА хранятся именные списки потерь солдат практически всех Сибирских стрелковых полков 1-й и 2-й очереди – от 1-го до 56-го. Не сохранились данные по 2, 19, 25, 26 и 53-му полкам. Что же до полков 4-й очереди, то в одно дело сшиты списки потерь 57, 58, 60, 63, 69, 70, 71, 72, 85, 86, 87 и 88-го Сибирских полков. Итого из 36 полков есть списки 12 полков.

Наиболее полные списки относятся к четырем Сибирским полкам: 17, 50, 51, 52-му. Каждый из них потерял от 14 500 до 16 000 человек при штате 4 245 нижних чинов. Из них до 1 500 убито, а 7 500 пропали без вести. Таким образом, общая убыль составила 4 полных состава, и к лету 1917 г. фронт занимал уже 5-й личный состав. Эти данные мало отличаются от утверждения, что «шесть составов переменяла вообще вся пехота. Но добрая треть наших дивизий... на Юго-Западном фронте переменяли за войну состав 10 раз и более» [Керсновский, 248].

На фронте офицеры Генерального штаба ежедневно в штабе каждого корпуса, дивизии, отряда, отдельной военной части заполняли журналы военных действий, которые служат одним из ключевых источников исторического описания сражений, но информация о потерях встречается не во всех. Например, журналы военных действий 2-го Сибирского армейского корпуса сохранились с 31 октября 1914 по 8 марта 1918 г., а записи о потерях есть только за 10 дней 1917 г. Нет записей в журналах 7-го Сибирского корпуса.

Напротив, журналы 3-го Сибирского армейского корпуса заполнялись с 27 августа 1914 по 31 августа 1917 г., а с 14 апреля 1915 г. в них появились регулярные, без пропусков, записи о суточных потерях. По этим неполным данным потери корпуса в 1917 г. составили: 7 043 нижних чинов убито, 25 191 нижний чин ранен и контужен, 10 209 нижних чинов пропало без вести, 309 контужено, 1 перебежал к немцам, 2 обморожено, 7 отравлено газом, 42 дезертировало [см.: Новиков, 248–268]. Учитывая еще и записи выбывших без разделения на убитых, раненых и пропавших в 14 765 человек, общие потери 3-го Сибирского корпуса составили 57 559 человек [см.: РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 336–362].

В 1914–1917 гг. Сибирскими корпусами командовали генералы самого разного опыта и предшествующей деятельности – от юриста А. В. Сычевского,

сапера Н. Я. Лисовского, артиллеристов В. П. Корнеева, В. А. Лавдовского, Е. А. Милодановича через многочисленных пехотинцев до бывшего товарища министра внутренних дел жандарма В. Ф. Джунковского. Их ждала и различная судьба – от большевистских расстрелов и изгнания из России до добровольной службы в Красной армии. Офицеры командного состава царской армии, вопреки сложившемуся мифу, решительно продвигались по службе за боевые успехи и беспощадно отстранялись за военные неудачи.

Тем не менее жестокая критика русских генералов Первой мировой войны стала почти общим местом. Особо беспощаден А. А. Керсновский, считавший, что «русского полководчества не существовало. Русской армии не хватало головы»; «Самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им [высшим командованием] профанировалась и пропала даром. Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандовавших». С другой стороны, интересно и наблюдение офицера-артиллериста Е. Э. Месснера: «В действующей армии старались быть человечными к офицеру и солдату, учитывая условия войны, требовавшие сверхчеловеческих сил. Нет сомнения, что мы бы удачнее разыграли войну, будь мы во всех отношениях бесчеловечнее» [Месснер, 34]. Эти мысли подтверждает сопоставление боевых потерь России в мировых войнах.

Все сибирские соединения прекрасно показали себя в тяжелейшей войне, явив множество примеров самоотверженного ратного труда. Многочисленные бои и важные операции с их участием были различной интенсивности, тактической и стратегической значимости, кровопролитности. Сибирские корпуса достойно выглядели среди более чем полусотни русских армейских корпусов, по праву причислялись к наиболее стойким из них.

Блюментрит Г. Автобиография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/GERblumentritt.htm> (дата обращения: 1 окт. 2007 г.).

Блюментрит Г. Московская битва // Вестфаль В. [и др.]. Роковые решения : пер. с англ. / под ред. П.А. Жилина. М., 1958.

Варшавско-Ивангородская операция : сб. документов. М., 1938.

Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей Русской вооруженной силы. Париж, 1925.

Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924.

Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994.

Корольков Г. К. Сражение под Шавли. М. ; Л., 1926.

Людendorф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Москва ; Минск, 2005.

Малиновский Р. Я. Солдаты России. М., 1978.

Месснер Е. Э. Судьба русского офицера. СПб., 1997.

Новиков П. А. Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.

Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во 2-й пол. XIX – нач. XX в: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003.

РГВИА. Ф. 2280, Оп. 1, Д. 336–362; Ф. 2288. Оп. 1. Д. 204; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 766, 768, 783.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Энцикл. слов. Рус. библиогр. ин-та Гранат. 7-е изд. Т. 46 : Четырехлетняя война 1914–1918 гг. и ее эпоха. Вып. 1. Б. м., б. г.

Серебренников И. И. Претерпев судеб удары : дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г. С. Андреев, П. К. Конкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2008.

Смета военного министерства по Главному управлению по квартирному довольствию войск на 1916 г. Пг, б. г.

Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь // Родина. 2004. № 9.

Соловьев Л. З. Указание опыта текущей войны на боевые действия пехоты. СПб., 1905.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне. 2-е изд. Мюнхен, 1948.

Шапошников П. На станции Зима // Военная быль. 1968. № 68, июль.

Шишов А. В. Голгофа Российской империи. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 31.10.2008 г.

УДК 355.257(571.1) + 355/359(571.1)“1914/1918”

А. С. Жарова

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Рассматривается положение военнопленных в период Первой мировой войны, находящихся в Тобольской губернии. Показаны условия их проживания, сфера применения их труда. Дается представление о гражданских военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, Тобольская губерния, использование труда военнопленных.

Первая Мировая война коснулась не только тех территорий России, где шли боевые действия, но и внутренних губерний, куда вскоре стали прибывать первые военнопленные. Одной из губерний, принявших большое количество военнопленных, стала Тобольская губерния. С начала активных боевых действий на фронтах Первой мировой войны в Тобольскую губернию стали прибывать военнопленные, воевавшие на стороне Германии и ее союзников.

В городах Западной Сибири военнопленные начали появляться уже в первые месяцы войны. 2 сентября 1914 г. первая команда пленных немцев прибыла в Курган, в Тобольске 7 сентября остановился эшелон с австрийцами и венграми, в Тюмень и Семипалатинск пленных доставили 9 сентября, в Омск – в начале октября. К лету 1915 г. только в городах Западной Сибири были размещены 64 631 пленный, в том числе – 10 322 германца. Зимой 1915/16 г. военнопленные были распределены по городам Омского военного округа следующим образом: Тобольск, Тюмень, Курган – по 5 тыс., Челябинск – 12 тыс., Петропавловск – 6 тыс., Омск – 14 тыс. человек. Безусловно, что численность пленных в городах Сибири можно установить весьма приблизительно, поскольку часто менялись места расквартирования [см.: Меньщиков, 118].

Такое количество прибывших людей нужно было где-то разместить. Крайне ограниченный жилищный фонд Сибири не мог вместить всех прибывших. Проблема теплого жилья в условиях Сибири – одна из главных проблем,